

ВВЕДЕНИЕ

Как говорили древние римляне, *Nulla fere causa est in qua non femina litem moverit*, т.е. "Нет такого дела, в котором не затеяла бы спор женщина". Сегодня таким делом, за которое стоит взяться, служит экономическая теория. В ней накоплено столько достижений и одновременно выдвинуто столько спорных гипотез, что тут заведомо есть с чем дискутировать. Тем более нам, российским ученым, пробуящим приложить классические, кажется, положения к исследованию нынешних отечественных реалий. Видный французский теоретик "регулятивизма", Роберт Буайе, полагает, что понимание происходящего в переходной экономике России - это основной критерий значимости современной экономической науки. "...Ибо "великое преобразование" России ставит множество проблем, не находящих очевидного решения в рамках имеющихся экономических теорий... Этот беспрецедентный исторический эпизод приведет к тому, что все экономические теории полностью преобразуются или окончательно утратят свое значение. И теории регуляции тоже!" (Буайе. С. 31). Действительно ли это так?

В истории любого государства периоды революционных преобразований или масштабного реформирования, пожалуй, самые интересные и внимательно изучаемые обществоведами. Фокусом анализа в таких случаях служит взаимодействие нового и старого, соотношение планов и замыслов революционеров и реформаторов, с одной стороны, и результатов их действий - с другой. Периоды сломов и преобразований социальных структур позволяют явно увидеть их устойчивые, непреобразуемые компоненты, равно как и потенциал восприятия и адаптации нового опыта. Россия двух последних десятилетий - уникальная лаборатория такого рода, в которой ученые могут наблюдать и исследовать трансформации важнейших социально-экономических процессов.

Вряд ли нужно специально доказывать, что поиск новых теоретических схем особенно актуален в таких ситуациях. Перестройка, начавшаяся в Советском Союзе с середины 1980-х годов, потребовала адекватных научных обоснований взамен дискредитировавшей

- 4 -

себя политической экономии социализма. В стране таких схем, убедительных для политического руководства и поддержанных в целом научным сообществом, предложено не было. Поэтому воспользовались, как это часто бывало в истории России, "заморскими рецептами". "Плюсы" и "минусы" такого заимствования до сих пор обсуждаются, и однозначных оценок здесь нет, как нет и единого мнения по поводу полученных с помощью этих рецептов результатов. Тем не менее общепризнанным можно считать тот факт, что заимствованные теоретические схемы и практический опыт зарубежных стран, прежде всего Европы и США, не сняли с повестки дня задачу разработки адекватных социально-экономических концепций, приложимых к российским реалиям.

Мы предприняли попытку построения новой теоретической схемы, которая может быть использована в качестве инструмента для такого понимания. Как микроскоп - новое техническое средство - позволяет увидеть то, что не видно

"невооруженным глазом", так и теория, или новое методологическое средство (если она отвечает уровню необходимого исполнения, или совершенства), могла бы позволить увидеть те процессы, которые от "теоретически невооруженного взгляда" скрыты, им неразличимы. Опыт построения такой теории, названной нами *теорией институциональных матриц*, был предложен в 2000 г. (Кирдина, 2000а, 2000б). Базовые ее положения, которые необходимы для понимания, будут изложены в этой книге в соответствующих параграфах. Но основное внимание в ней будет уделяться развернутому описанию специфики экономических институтов, т.е. институциональному сравнению X- и Y-экономик. Изучение таких экономик составляет один из разделов теории институциональных матриц, разработанной для анализа типов обществ и, соответственно, их экономических (наряду с политической и идеологической) подсистем.

Неожиданно для нас идеи, изложенные в этой книге, оказалось возможным трактовать как антитезу экономическому империализму нобелевских лауреатов Г. Беккера, Дж. Бьюкенена и др., получившему распространение во второй половине XX в., причем сразу по двум его составляющим. Как известно, экономический империализм представляет собой экспансию методов ортодоксального экономического анализа на сопредельные области, ранее не входившие в предмет экономической науки. Другими словами, многообразные явления социальной жизни трактуются средствами экономической науки, т.е. выявленные закономерности хозяйственной жизни, действующие в ней механизмы и принципы рассматриваются как средство для понимания явлений самого широкого плана - от демографических до культурно-поведенческих.

В противоположность такому подходу в нашей книге, наоборот, для исследования экономики применяется методология смежной об-

- 5 -

ласти знания - социологической науки, а сама экономика рассматривается как срез, проекция, подсистема общественной структуры, единого общественного организма. Действующие в ней правила и закономерности определяются преимущественно законами функционирования этого целого, что служит отправной точкой исследования двух типов экономик, описанных в книге. Основным методом для нас является институциональный анализ, представляющий собой в данном случае не только синтез экономики и истории (Гидденс, 1993. С. 106), но и социологии.

Другая особенность экономического империализма, против которой выступает наша теоретическая схема, - использование единых дедуктивных методов неоклассики, базирующихся на общих предпосылках методологического индивидуализма. К этим предпосылкам относятся допущения о максимизирующем поведении индивидов, существовании равновесных рынков и стабильности предпочтений на основе выбора. Естественно, что при таком подходе становится возможным изучать в основном лишь те экономики, для которых данные предпосылки верны в наибольшей мере. Зачастую при этом преимущественным предметом рассмотрения становится так называемая микроэкономика, в которой эти индивиды действуют. Хозяйственные системы другого типа, которые разными авторами и в разные периоды назывались "азиатским способом производства" (К. Маркс), редиistribuтивными экономиками (К. Поланьи), централизованно управляемыми экономиками (В. Ойкен) и т.д., при таком подходе либо выпадают из анализа, либо вкладываются в "прокрустово ложе" используемой методологии. По отношению к таким экономикам "экономический империализм" рассматривается рядом ученых как насильственно применяемая аналитическая

схема, не позволяющая разобраться в сущности хозяйственных отношений. Во всяком случае, внимание исследователей концентрируется лишь на части экономических явлений, не всегда доминирующих в реальной жизни ряда стран.

Этой стороне экономического империализма в книге противопоставляется теоретическая схема, в которой экономики рыночного типа рассматриваются лишь как один из двух типов экономик, а именно Y-экономики. Наряду с ними равноправным объектом изучения выступают реально существующие X-экономики и свойственные им институты. Здесь можно отметить соотнесенность наших исследований с областью сравнительной компаративистики. Крупнейшие ее разделы - анализ экономических систем (посвященный в свое время сопоставлению капитализма и социализма) и сравнительный институциональный анализ (*Greif, 1998; Aoki, 2001* и др.) также ставят своей задачей охватить все многообразие реальных экономик. Но нерешенной методологической проблемой здесь до сих пор оставался способ преодоления разрыва между специфиче-

- 6 -

ским анализом конкретных ситуаций и "общим пониманием экономических систем" (*Ананьин, 2003. С. 13*). Нами предпринята попытка построения такой обобщающей исследовательской схемы с тем, чтобы преодолеть "нетождественность значений" нейтрально системных, казалось бы, терминов, выявляющуюся при анализе конкретных экономических ситуаций разных стран. Тем самым появляется возможность создания инструмента, который бы позволил сопоставить разные экономики с единых теоретико-методологических позиций, рассмотреть их в одном логическом ряду. При этом мы концентрируем внимание на тех характеристиках, которые обеспечивают "устойчивость системы, измеряемую ее способностью к длительному развитию, темпы и характер которого удовлетворяют потребностям нации в конкретных исторических условиях" (*Ольсевич, 2002. С. 66*), т.е. базовых экономических институтах.

Предложенная теоретическая схема, на наш взгляд, противостоит, или, точнее говоря, позволяет преодолеть ограничения и другой агрессивной парадигмы. Речь идет об исторически закреплённой в отечественном обществоведении идее о специфичности России. Конечно, слова "уникальность и самобытность России", "особый российский путь", "загадочная русская душа" и многие другие ласкают наш патриотический слух. Они (как аналогичные утверждения всех других народов) преисполняют общество сознанием того, что наши страна и народ - избранные, совершенно особенные и ни на кого не похожие. Но для ученого-обществоведа эта позиция, выраженная в бессмертных строках Ф.И. Тютчева "умом Россию не понять, аршином общим не измерить...", является многолетним вызовом и укором. Почему? Потому что наука начинается там и тогда, когда во множестве явлений, событий, фактов выявляются общие тенденции, типичность, единые законы, которым подвластна исследуемая наукой реальность, когда выделяются группы однородных объектов, классы, скрытые структуры. Уникальному же можно только дивиться, его можно воспевать в стихах и прозе, но не изучать.

Настоящая книга, в которой исследуются X- и Y-экономики - одна из попыток представить убедительную и аргументированную теоретическую схему, в которой уникальная Россия рассматривается как "частный случай", как страна, где действуют законы X-экономики, характерные и для других стран. В этой схеме Россия может быть корректно сопоставлена с другими государствами, что позволяет увидеть и общее, и особенное в ее устройстве.

Как построена книга? В ПЕРВОМ РАЗДЕЛЕ охарактеризованы наиболее интересные, на наш взгляд, направления развития современной экономической теории в России после политической экономии социализма. В Главе 1 представлены альтернативные по отношению к экономическому империализму подходы, для которых

- 7 -

характерно применение в экономике методологии и идей из других наук. Они отобраны по принципу сходства методологических поисков коллег с нашими собственными. Можно увидеть, как применяется комплекс культурологических идей - в концепции метаисторического анализа цивилизаций и в социокультурном подходе. Также обозначены отечественные исследования в области эволюционной экономики, применяющей эволюционный подход, заимствованный из биологической науки. В Главе 2 подробнее рассмотрены особенности постсоветского институционализма, т.е. применения институционального подхода к анализу экономических явлений. В Главе 3 даны необходимые для дальнейшего понимания основные положения теории институциональных матриц. Они развивают социологический макроинституционализм, характерный для Новосибирской экономико-социологической школы.

Если первые две главы эрудированный читатель, которого интересует только авторская позиция по поводу X- и Y-экономик, может пропустить, то Глава 3 требует обязательного прочтения. Конечно, это справедливо в тех случаях, когда читатель не знаком с предыдущими нашими работами, специально посвященными этой теме. Особенно важным является третий параграф, поскольку в нем раскрываются причины (или наша гипотеза относительно причин) того, почему в человеческой истории складываются два типа обществ и, соответственно, два типа экономических систем.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ книги посвящен подробному описанию институционального устройства X- и Y-экономик. Здесь, в главах 4-9, рассматриваются сходные по функциям, но альтернативные по содержанию институты, действующие в разных экономиках, максимально приспособленные к условиям окружающей среды. Характеристика и исторические иллюстрации действия институтов менее изученной X-экономики представлены преимущественно на основе российской практики. Тем самым уже в этом разделе теоретические положения начинают использоваться в качестве того самого "методологического инструмента", который позволяет увидеть "скрытые" при других теоретических подходах закономерности развития российского хозяйства. Например, в книге дан анализ земельных отношений в России, регулируемых характерным для X-экономики институтом условной верховной собственности. В Главе 9, заключающей раздел, рассмотрены механизмы самоорганизации X- и Y-экономик. Показано, что нарушение институционального баланса хозяйственных систем ведет к кризисам, хотя механизмы этих кризисов различны для X- и Y-экономик.

Теории заслуживают внимания в том случае, если они помогают понять, а еще лучше - предвидеть то, что нас ждет. Поэтому в книге специальное внимание уделено описанию практического приложения новых теоретических положений. В ТРЕТЬЕМ РАЗДЕЛЕ

- 8 -

(Глава 10) изложены новые взгляды на природу денег и финансов в X-экономиках, вновь на примере России. Показано различие природы налогов в

X- и Y-экономиках. В Главе 11 излагается опыт социально-экономической диагностики как формы реализации теоретического знания (на примере консультирования крупнейшей российской корпорации). В 12-ой, заключительной, главе книги дан анализ истории российской экономической мысли. Здесь теория институциональных матриц, как и ее раздел об X- и Y-экономиках, представлены сохраняющими преемственность с работами прошедших веков - от Посошкова в XVIII в. до ближайшей нашей предыстории - политической экономии социализма XX в. "Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе" (*Библия, Ин, 15, 4*), так и научные исследования малопродуктивны, если не опираются на результаты работы предшественников и не продолжают сложившихся традиций.

Но исследования также малопродуктивны, если не позволяют заглянуть в будущее. Поэтому в ЗАКЛЮЧЕНИИ мы предприняли дерзновенную попытку спрогнозировать ход развития не только России, но и всей глобальной экономики. Сравнивая траектории государств, в которых доминируют X- и Y-экономики, понимая их взаимовлияние и комплементарность, мы рискнули предположить, что содействие эволюции экономических систем разного рода станет в будущем более популярным, чем попытки их трансформировать. Понимание специфики институционального устройства X- и Y-экономик, изложенное в этой книге, может содействовать этому естественному процессу. И, вероятно, приблизит нас к созданию "общей теории экономической относительности" (*Ольсевич, 1995. С. 7*), что стоит на повестке XXI в.

Москва, февраль 2004 г.

- 9 -

БЛАГОДАРНОСТИ

Замыслу и написанию этой книги содействовали две группы событий. Первая - переход на работу в Институт экономики Российской Академии наук (г. Москва), который состоялся в 2002 г. Заинтересованное внимание и поддержка новых коллег помогли кристаллизации замысла публикации и обогатили новыми знаниями. Прежде всего хочется поблагодарить Леонида Ивановича Абалкина, Олега Игоревича Ананьина, Сергея Анатольевича Андрюшина, Юлия Яковлевича Ольсевича и Дмитрия Евгеньевича Сорокина.

В результате живых и свободных дискуссий с Владимиром Ивановичем Маевским рождались название книги, новые повороты сюжета, дискутировались даже характер и стиль изложения, поэтому хочется выразить ему особую и искреннюю признательность.

Другая группа событий, способствовавшая написанию книги, - начавшееся с того же года сотрудничество с концерном "Росэнергоатом", позволившее практически применить и уточнить некоторые положения нового теоретического подхода. Особую благодарность хочется выразить Алле Игоревне Архангельской, Михаилу Олеговичу Протопопову, Павлу Витальевичу Романову, а также нашим основным партнерам на Волгодонской АЭС - Людмиле Михайловне Исаевой и Александру Васильевичу Паламарчуку, и на Кольской АЭС - Юрию Борисовичу Коломейцеву, Евгению Викторовичу Никоре и Элеоноре Ивановне Хубецовой.

На заключительном этапе работы неоценимую техническую помощь в работе над рукописью оказала Светлана Маратовна Закирова.

Вдохновляющим стимулом для завершения работы над новой книгой послужило рождение внука - Михаила Алексеевича Кузьмина. Направленность на лучшее будущее становится весьма предметной при таких событиях, и, хочется надеяться, что теоретическое осмысление экономической практики

России и других стран, предложенное нами, поможет достижению этого будущего.